

Театральность как свойство поведения западника (на материале мемуаров

А.И. Герцена «Былое и думы»)

Лебедева Валентина Александровна

Аспирантка Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия

Одна из характерных тенденций современного литературоведения связана с творческим переосмыслением наследия структурно-семиотического направления, введенного сегодня в новый научный контекст и осмысленного в широкой исторической перспективе. В качестве примера продуктивного отношения к традициям московско-тартусской школы можно рассматривать работы современного польского исследователя В.Г. Щукина, известного историка русской литературы и культуролога, методология которого опирается на традицию работ Ю.М. Лотмана. Так, ученый использует в качестве одной из базовых категорий понятие социокультурной модели, которую Лотман применял, как известно, не только по отношению к литературе и искусству, но и поведению человека, осмысливая его как социокультурный феномен. Учитывая лотмановскую идею вариативности этой модели, Щукин вводит понятие «культурного мира» [Щукин: 123], экстраполируя его на определенный тип личности. «Культурный мир» он понимает как сложный комплекс, состоящий из ряда компонентов. Это система ценностей и этических взглядов, идеология и бытовое поведение человека.

Методология, предложенная Щукиным, представляется продуктивной при изучении художественных мемуаров А.И. Герцена. Анализируя персонажей «Былого и дум» как западников, следует учитывать, что «культурный мир» каждого из них, при известной типологической общности, отличался вариативностью, индивидуальным воплощением константных признаков западничества как уникального явления русской культуры. Одним из характерных признаков их поведения: социально-общественного и бытового, можно считать театральность, которая рассматривается нами в рамках понятия «культурный мир».

Поведение западника изображается в мемуарах Герцена как чрезвычайно эффективное и риторичное. Такой характер поведения представляется наиболее закономерным в ситуациях, связанных с публичной деятельностью человека. Так, Т.Н. Грановский буквально превращает университетскую кафедру в театр пропаганды западных идей. Не случайно мемуарист вспоминает о дамах, машущих платками, и о юношах, кричащих сквозь слезы «браво!»; а сам лектор напоминает ему гениального артиста. Однако и в быту, как показывает Герцен, поведение западников выглядит очень эффективным и пафосным. Оно словно бы рассчитано на зрителя даже в домашней обстановке, как, например, в сцене знаменитого «свидания четверых»: «У меня в комнате стояло небольшое чугунное распятие. – На колени! – сказал Огарев, – и поблагодарим за то, что мы все четверо вместе! Мы стали на колени возле него и, обтирая слезы, обнялись» [Герцен IX: 12]. Герцен для изображения своих героев как будто «заимствует у театра всю его формальную, условную сторону» [Дулова: 27]. Даже внешняя обстановка приобретает здесь сценические свойства. Деталь интерьера (небольшое чугунное распятие на столе) в большей мере напоминает элемент декорации, который необходим, чтобы подчеркнуть торжественный пафос встречи. Слово становится декламацией, любое движение – жестом.

Во многом такой характер поведения обусловлен коммуникативной установкой западника увлечь собеседника, активно воздействовать на общественное мнение – с университетской кафедры, со страниц литературно-критического журнала либо просто в камерной обстановке светской гостиной. «Проповедовали мы везде, всегда, – пишет Герцен. – Что мы, собственно проповедовали, трудно сказать» [Герцен X: 318]. В «Былом и дум» эта коммуникативная установка становится тем фактором, который во многом обуславливает все внешние проявления человека, включая манеру одеваться, говорить, спорить. Театр в художественных мемуарах Герцена становится некой метафорой, которая демонстрирует авторское отношение ко всему чужому,

инокультурному. Представитель дружеского кружка для него – оратор, проповедник, артист. В таком же качестве потом будут показаны и европейские революционеры, пользующиеся особой симпатией автобиографического героя (а сами революционные события в Европе – грандиозным театральным действием): «Им надобна, как воздух, сцена и зрители; на сцене они действительно герои и вынесут невыносимое. Им необходим шум, гром, треск, им надобно произносить речи, слышать возражения врагов, им необходимо раздражение борьбы, лихорадка опасности» [Герцен VIII: 176].

Артистизм для Герцена – это особый склад личности человека, как он сам пишет, «грация», «такт сердца» [Герцен IX: 121]. Это и своеобразный стиль поведения: столь ценимые западниками изысканные манеры, привычка свободно выражать собственное мнение, умение вести себя с чувством собственного достоинства. Однако быть артистом для автора «Былого и дум» – это прежде всего значит быть активным участником всего происходящего, и представители чужого культурного мира (например, русские дворяне XVIII столетия) «враждебны» ему уже одним тем, что они – зрители: «Иностранцы дома, иностранцы в чужих краях, праздные зрители, испорченные для России западными предрассудками, для Запада русскими привычками, они представляли какую-то умную ненужность» [Герцен VIII: 86].

Поведение как объект художественного изображения важно для Герцена в той мере, в какой оно свидетельствует о принадлежности персонажа к тому или иному культурному миру (например, это может быть культурный мир западника или славянофила), поэтому часто оно выглядит «искусственным», «выдуманым».

Литература

Шукин В.Г. Русское западничество: Генезис. Сущность. Историческая роль. Łódź, 2001.

Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8, 9, 10.

Дулова Н.В. Поэтика «Былого и дум» А.И. Герцена. М, 1998.